

## КУЛЬТУРА

## ГАСТРОЛИ

## Декаданс от Мариинского

Майя ПРИЦКЕР

Из-за отпуска я пропустила открытие гастролей балета Мариинского театра (на гастролях его все еще называют Кировским) в нью-йоркском Сити-центре, о чем сожалею: я люблю «Раймонду», третий акт которой был частью первой программы, и было бы приятно увидеть хореографию Петица в аутентичном исполнении. Увы, этот фрагмент из балета Глазунова не повторяется в остальных из шести программ, которые будут сменять друг друга до 20 апреля. Когда статья эта выйдет из печати, зрителям останется посмотреть еще вечер балетов Форсайта (я видела его в Петербурге прошлым летом и с интересом пойду посмотреть еще раз) и вечер Баланчина («Серенада», «Рубины» из «Драгоценностей» и «Балет империял», знакомые здешним зрителям по предыдущим гастролям труппы в Нью-Йорке, как, разумеется, и по репертуару нью-йоркского Сити-балета).

Первым же спектаклем гастролей, который видела я, оказался вечер балетов Михаила Фокина. В слегка измененном виде (вместо «Шехерезады» — «Этюды») он будет показан еще трижды: сегодня днем и вечером и завтра днем.

Главная причина его посмотреть — «Шопениана», или «Сильфиды» (второе название дал балету Дягилев, представив его для своих «Русских сезонов» с новыми декорациями А. Бенуа и полонезом Шопена Ля мажор в качестве увертюры в 1909 году).

Как ни называй, балет этот остается одним из шедевров русской классики, мостом между «белыми» актами «Лебединого озера» и «Жизели» с одной стороны и «Серенадой» Баланчина — с другой (а отсюда уже прямая дорога к бессюжетным композициям Роббинса и «симфоническим» балетам Ноймайера),

образом танца одновременно абстрактного и романтического.

На Западе «Шопениана» почти нигде не идет, а вот в Большом и Мариинском (в версии Агриппины Вагановой 1931 года) спектакль был постоянной частью репертуара. И именно танцовщики Мариинского, с их слегка отстраненной, сдержанной и утонченной манерой, могут представить этот венок мазурок, прелюдий, вальсов Шопена так, что они не покажутся ни слащавыми, ни вычурными, ни сентиментальными. Просто

управлением Михаила Синкевича — все это замечательно сплелось в то видение красоты, поэзии и совершенства, которое так редко сегодня встретишь на сцене и в жизни.

«Видение розы», мини-балет для двух солистов на музыку «Приглашения к танцу» Вебера, — создание куда более вычурное и совсем не такое вневременное, как «Шопениана». Мужчина в облике розы, приснившийся девушке, — согласитесь, такой сюжет, как и розовый костюм на исполнителя, завершённый чепчиком из

озными прыжками, но и певучей и изысканной пластикой рук, очень важной в этом балете.

В пару к короткому «Видению розы» во второе отделение вошел «Умиравший лебедь», которого в тот вечер (как и почти во всех фокинских программах) танцевала Ульяна Лопаткина. Технически совершенное, это исполнение, как мне показалось, эмоционально слегка «поблекло» от слишком частых повторений — от него веяло не трепетной печалью, не болью утраты, а холодом «сделанности».

Завершался вечер «Шехерезадой» (1910 г.) — красочным образцом экзотики и эротики, которой Дягилев потчевал и пленял Париж. Сегодняшнего зрителя, если он не завзятый балетоман или узкий специалист по танцевальному декадансу, не так просто пленить пантомимическими жестами, размахиванием саблями и прыжками упитанного сверх всякой меры евнуха. Яркое раскрашенное занавес, на фоне которого звучит «увертюра» — то есть начало симфонической сюиты Римского-Корсакова «Шехерезада», — и тесно заполненная декоративными деталями и участниками спектакля сцена (все это по эскизам Бакста) тоже несет на себе печать эпохи, кажущейся невероятно далекой. И только присутствие Дианы Вишневой (с ее интенсивностью и полнотой жизни, вибрирующей буквально в каждой мышце и каждом суставе) в роли Зобеиды — любимой, но неверной жены шаха Шахрияра, а также виртуозность обаятельного Даниила Корсунцева в роли Золотого раба да очаровательные танцы одалисок спасают положение.

«Шехерезаду» в четвертой программе гастролей (сегодня и завтра) сменяет «Этюды» Харольда Ландера (на музыку Карла Черни), куда более современные по стилю.



Диана Вишнева и Игорь Колб в балете Михаила Фокина «Шехерезада»

«чистойшей прелести чистейшей образце».

Так оно и случилось: стройный и элегантный кордебалет, каждое перемещение которого было полно какого-то неземного покоя, необычайно легкие и поэтичные солистки Екатерина Осмолкина и Яна Селина и благородный Антон Корсаков, единственный мужчина в этом «белом царстве», а вдобавок прекрасное звучание оркестра Мариинского театра под

лепестков (декорации и костюмы по эскизам Л. Бакста), интересен, скорее, как образец нулевых десятилетий эпохи. Фокин создал его почти экспромтом, вдохновившись строчкой из Теофиля Готье: «Я — призрак розы, что ты носила на балу вчера». Исполнен балет был, однако, с большой долей естественной, ненаигранной грации (Яна Селина и Игорь Колб), причем Колб поразил не только вирту-

## В КОНЦЕРТНОМ ЗАЛЕ

## Незнакомые знакомцы

Майя ПРИЦКЕР

Убаюканные или (смотря с какой позиции судить) рассерженные все-народной популярностью Дмитрия Хворостовского как исполнителя военных и прочих песен советского времени, неаполитанских мелодий и старинных русских романсов, иные слушатели забыли, какой Хворостовский серьезный, думающий и ищущий музыкант. Запреля в Карнеги-холле он им об этом напомнил. Составляя программу из не самых «запыханных», а порой и почти неизвестных романсов Чайковского, Метнера и Рахманинова, он, как мне кажется, руководствовался двумя идеями: представить малоизвестные странички русской музыки и... дать волю своему дару оперного артиста, тяготеющего к большой драме.

Из десяти романсов Чайковского, вошедших в первое отделение, большинство составляли трагические монологи (такие, как «На нивы желтые» или «Любовь мертвеца»), а те, что явного трагизма не предполагали, были драматизированы самим исполнителем. Уникальной красоты голос Хворостовского, кажется, постоянно обретает новые краски и оттенки, и певец, следуя за каждым штрихом текста, с каждым содержанием поворотом, не скупится на детали. Неожиданные взрывы отчаяния, контрасты тихой горечи с открытой страстью, переходы от нежновоспоминания к порыву гнева и холоду безнадежности — все это и многие другие эмоции сменяли друг друга естественно, без нажима, романс становился сценой, хотя порой хотелось эту «оперность» чуть приглушить, заменить проникновенностью и лиризмом именно камерного жанра.

Впрочем, в огромном зале, заполненном почти тремя тысячами слушателей, трудно не поддаваться искушению «укрупненного масштаба», особенно когда большую часть своей жизни ты проводишь именно на оперной, а не на камерно-концертной сцене.

Но как бы совершенны ни были исполнены



Дмитрий Хворостовский и Ивари Илья

«О если бы ты могла» (только Хворостовский с его огромным дыханием и нескончаемым легато способен так воплотить этот звуковой поток) или «Забьют так скоро», для меня самыми волнующими стали «тихие» романсы: «Средь шумного бала» (триумф тончайшего ощущения слова), «Пимпинелла» (этот романс на итальянском языке вырос из услышанной Чайковским во Флоренции от уличного мальчика-певца мелодии) и грациозное, нежно-игривое «О дитя».

Кстати, тот, кто хочет услышать русские классические романсы в более камерном воплощении, должен подождать всего несколько месяцев, до того момента, когда на прилавках магазинов появится новый компакт-диск Хворостовского с избранными романсами Чайковского (общим числом более 20) и второй — с романсами русских композиторов (от Глинки до Свиридова) на стихи Пушкина. Партию фортепиано исполняет Ивари Илья. Этот замечательный эстонский музыкант был партнером певца и в Карнеги-холле — партнером деликатным, умелым и равным, не скрывавшимся в тени певца, но и не старавшимся привлечь внимание к себе, как бы ни была значительна и сложна его партия.

Метнер и Рахманинов были друзьями, хотя по популярности Рахманинов заметно обогнал своего младшего коллегу, в меньшей степени наделенный даром открытой эмоциональности и мелодичности. Если романсы Рахманинова давно перешагнули

границы русскоязычной аудитории, то Метнера мало исполняют даже в России. Пять романсов, представленных Хворостовским в программе, вряд ли изменят ситуацию, но шаг к признанию сделан, и очень важный. Если Чайковский и Рахманинов часто выбирали для своих романсов тексты не самых лучших поэтов и не самого высокого качества (хотя всегда созвучные композиторам по мироощущению), то Метнер, любитель философии, обладатель отменного вкуса, выросший к тому же в немецкоязычной среде, предпочитал Пушкина и Гете: из более чем старомосковской половины написана им на стихи этих главных поэтов России и Германии. Три пушкинских и два гетевских романса и представил Хворостовский.

Сравнение стилей было бы особенно наглядным, если бы романсы на стихи Гете исполнялись на немецком языке, как и были написаны. Но в русскоязычном варианте музыкальные гетевские «Счастливые плавание» и «Ночная песнь странника» заметно отличались от патетики пушкинских романсов «Мечтателю», «Я пережил свой желанья» и «Зимний вечер». Любопытно, что сложная фортепианная партия каждого из трех романсов на стихи Пушкина напоминает по стилю Рахманинова, но вокальная линия, тесно с фортепианной фактурой переплетенная и порой почти растворяющаяся в ней, несмотря на отдельные необычайно притягательные мелодические повороты, лишена непосредственности и

цельности, которыми отличаются лучшие рахманиновские романсы.

Впрочем, выбирая для последней части программы пять романсов Рахманинова, Хворостовский вновь остановился на декламационно-драматических — таких, как «Не верь мне, друг» или «Я был у ней» и даже на замечательном, хотя отнюдь не популярном монологе «Мы отдохнем», написанном на прозаический текст последнего монолога Сони из чеховского «Дяди Вани».

Проникновенно и с удивительной естественностью пропев знаменитые чеховские строчки, Хворостовский в качестве финального «удара» предложил «Весенние воды», но тут не пошел на поводу у традиции, а наделил этот гимнический романс непривычной нежностью. Знакомые по исполнениям менее даровитых певцов торопливые, захлебывающиеся выкрики он заменил по-особому певучей широтой и, замедлив темп перед заключительной кульминацией, очень уместно окрасил последнюю строфу тонким пантеистической завороженности.

Без «бисов», конечно, не обошлось (как и без букетов от почитательниц). Все три тоже были по-своему неожиданны: итальянский свет пролив низкие русские тучи в блистательно, щедро и волюно спетых двух неаполитанских песнях. Но самым потрясающим, до мурашек по коже, стало исполнение протяжной русской песни «Где ты, радость» из репертуара Федора Ивановича Шаляпина.

## ПОРТРЕТ

И. ГЕРЦБЕРГ

Джин Шапиро родился в Ленинграде, но прожил в нем недолго — полтора года. Вместе с мамой-инженером, папой-скрипачом, игравшим в легендарном оркестре Мравинского, и старшей сестренкой он эмигрировал в Америку, где рос как обыкновенный американский ребенок в нью-джерсийской «субурбии».

Их дом отличал, пожалуй, лишь особый интерес к искусству — не только музыкальному (как можно предположить, исходя из профессии отца, вскоре принятого в секцию первых скрипок знаменитого Филадельфийского оркестра), но и изобразительному. Возможно, именно поэтому, когда пришла пора выбирать «мэйджор», то есть основное направление занятий в колледже, Джин — или Женя — выбрал историю искусства.

Начинал он в Университете Калифорнии в Беркли, а потом перебрался поближе к дому — в Университет Пенсильвании. Особенно важным для его судьбы оказался, однако, год, проведенный между двумя этими школами в аукционном доме «Кристи», где Джин учился искусству художественной экспертизы и аукционного дела.

С сертификатом от «Кристи» и дипломом колледжа по специальности «история искусства» он в 1998 году был принят на работу в аукционный дом «Сотби». Последующие два года Шапиро провел в отделе современного искусства — самом, пожалуй,

«горячем» и напряженном. Но сильной этой закалки Джину показалось мало. «Я решил работать на себя, потому что понял, что лучше всего меня научит самостоятельная работа, когда я сам начну продавать и покупать, и набивать шишки, и учиться на своих ошибках».

Семь лет назад он ступил на непростую, но увлекательную стезю арт-дилерства, причем поначалу занимался всем: живописью европейской, американской, русской. Постепенно последняя, причем современная, стала доминировать.

В 2007 году он провел свой первый аукцион. Первая попытка оказалась на удивление удачной: было продано произведений на полтора миллиона долларов, и о Шапиро заговорили в рыночно-художественных кругах.

«Собирать вещи для аукциона, особенно первого, — очень трудно, — рассказывает Шапиро. — Мне помогло то, что я, работая как дилер, уже знал многих коллекционеров и дилеров, а они знали меня и, главное, доверяли мне. Самое сложное — это завоевать доверие. Но люди знают, что я работаю много и честно, всегда вовремя расплачиваюсь, и к тому же видят хорошие результаты. Сейчас уже мое имя на меня работает — молва распространяется быстро, ко мне сами приходят люди, готовые продать произведения искусства. Интересно, что среди них много американцев. Русские картины есть во многих американских коллекциях».

## Завоевать доверие



Джин Шапиро с картиной Василия Ситникова «СССР» (1975), поставившей рекорд прошлогоднего аукциона: \$477,900

Еще одна причина успеха Шапиро — его двуязычие и свободная ориентация в двух культурах, американской и русской. Несмотря на то что почти все свои 31 год Джин провел в Америке, он хорошо говорит по-русски. В работе ему помогает жена, недавняя москвичка. Для многих потенциальных покупателей и продавцов это дополнительное достоинство — возможность обсудить все детали и получить подробную информа-

цию, не боясь непонимания, смущения, растерянности от недостаточного владения «материалом», которое часто испытывают те, кто обращается в крупные аукционные дома.

В эти дни Джин готовится ко второму своему аукциону. В отличие от первого, проведенного в Коннектикуте, этот пройдет в Манхэттене, в Метрополитен-павильоне (123 Вест 18-й ул., 4-й этаж), причем в разгар «больших» рус-

ских аукционов, как раз между «Сотби» и «Кристи», а именно 17 апреля.

Шаг был непростой (снять большое помещение почти в самом сердце Манхэттена — дорогое удовольствие), но правильный: на апрельские аукционы в Нью-Йорк слетается много покупателей, в частности из России, и им, конечно, захочется заглянуть в зал на 18-й улице — глядишь, и объявится что-то интересное.

Интересное объявится наверняка, потому что Шапиро представляет впечатляющий набор из 260 лотов. 90% — работы русских художников начиная с XIX века и до наших дней. Остальное — европейская живопись старых мастеров, а также созданная в XIX веке. «Я хочу дать моим российским клиентам возможность увидеть и купить не только русскую живопись, но и прекрасные образцы старых итальянских, фламандских или французских мастеров, — комментирует арт-дилер. — Я верю, что лучшие коллекции включают искусство разных периодов и стран. А русские коллекционеры хорошо образованы, и их знания истории искусства не ограничены узкими этническими рамками».

Вслед за европейской живописью на аукционе представят русская и французская бронза (в том числе работы Евгения Лансере и Василия Грачева) и русская живопись XIX века, где особое внимание привлечет портрет императора Александра I, написанный до 1805 года и прошедший через руки разных владельцев — от Великого князя Николая Романова до нью-йоркского магазина-галереи A la Vieille Russe. В этом же разделе будут продаваться работы Василия Верещагина, Абрама Архипова и других. А дальше — впечатляющий ряд картин, рисунков, имен: Борис Анистфельд (полотно получено от семьи художника и прошло экспертизу Института Грабаря), Константин Юон, Михаил Врубель, Борис Григорьев, Юрий Анненков, Наталья Гончарова, Густав Клуцис, а также восемь значительных работ Давида Бурлюка, фотографии Евгения Халдея и Самария Гурария — всех не перечислить.

Особенно широко представлено нон-конформистское и современное искусство — от «Пейзажа с короной» Оскара Рабина (с «бульдозерной выставки!»), скульптуры Владимира Немухина, посвященной Игорю Краснопевцеву, и семи выдающихся по качеству полотен Евгения Рухина до уникальной, исторической работы Семена Файбисовича, сделанной в 1989 году для обложки американского журнала Time. Тут же — Тимур Новиков, Лев Табенкин, Илья Кабаков, Леонид Пурьгин, «Микки и Минни» и «Молотов-коктейль» Александра Косолапова, монументальный диптих Комара и Меламиды и многое другое. Подробности можно узнать на сайте www.geneshapiro.com Там же — каталог аукциона. А «живую» все представленное можно увидеть накануне аукциона, 16 апреля, в Metropolitan Pavilion. С 12 до 9 вечера.

Джин надеется, что аукцион принесет от 3 до 4 млн долларов: «Я верю, что многие русские художники так долго были недооценены, что нынешний рост цен на русское искусство — это не результат искусственного взвинчивания цен, а, скорее, отражение истинной силы, глубины, влияния и красоты визуального наследия целой культуры».